

творити», наносить урон крепкому хозяйству. Это именно Феодосий сумел привлечь богатых покровителей монастыря — самого киевского князя и киевскую знать. Его авторитету и энергии монастырь был обязан тем, что одни из них «приношаху от имений своих на утешение братии и на устроение монастырю», другие же дарили ему «села» (стр. 31).

Из рассказа Нестора видно, что Феодосий сам вникал во все хозяйственные дела: к нему шли, когда недоставало муки и хлеба для иноков, меду — для монастырских гостей, вина и масла — для церковной службы. И хотя Феодосий «агиографически» заполняет все прорехи в монастырском хозяйстве с помощью чуда — своей молитвы и горячей веры в помощь божию, но за этой религиозной оболочкой скрывается энергичная деятельность хозяина, который умел, очевидно, вовремя призвать на помощь богатых покровителей.

Историческая действительность смело ворвалась в повествование Нестора и тогда, когда он отрекшегося «от всякыа мирския печали» Феодосия показал в самой гуще политической борьбы, разгоревшейся между Изяславом, князем киевским, и его братьями. Когда Изяслав был изгнан из Киева и княжеский стол занял Святослав, Феодосий смело выступил против Святослава, «многа укоризнена» речи говорил князю, писал и ему и его «вельможам» «епистолию велику зело». О гневном тоне «укоризни» и «епистолий» можно судить по тому, что он сравнивал в них Святослава с самым тяжким преступником для средневекового сознания — Каином, убийцей брата. Напоминал разгневанный Феодосий князю «и инех многих древних гонителей и убийц и братоненавистник». Лишь «умолен быв от братии», он пошел и на другую уступку — стал поминать первым Изяслава, вторым же Святослава (стр. 51).

Весь этот рассказ о вмешательстве Феодосия в междукняжескую распрю показывает нам его непохожим на смиренного инока, который, по словам Нестора, никогда не бывал «ни гневлив, ни яр очима» (стр. 40). В этом споре обнаружился скрытый под монашеским «смирением и покорением» страстный темперамент сына мужеподобной, страшной в «ярости» его матери, которая в борьбе с сыном переходила от «грозы» к мольбам. Сама историческая действительность подсказала Нестору в этом эпизоде необходимость отступить от агиографического стиля, и он внес поправку в «святость» портрета Феодосия.

С первых же страниц жития рядом с Феодосием появляется его мать, поначалу изображенная по агиографическому канону «в вере христианской живуща и всяким благочестием украшена» (стр. 15—16). Но затем вместо этой «житийной» матери перед читателем встает другой образ, который в композиции жития должен стать «обобщенным воплощением . . . зла, злодейства»,¹⁹ так как мать оказывает яростное противодействие религиозным устремлениям ребенка и юноши. Однако живой и выразительный образ властной женщины, высоко ценящей репутацию своего «рода», которому, по ее мнению, Феодосий наносил «укоризну» своим участием в труде «рабов», убогой одеждой, «железами» на теле, — женщины, материнская любовь которой выражается то в «мольбах» к сыну, то в угрозах и даже побоях за отказ жить так, как было принято в зажиточных семьях, очень далек от «обобщенного воплощения зла». Переходы от «мольбы» к «грозе», от «великия ярости» к горьким слезам покинутой любимым сыном матери, последние просьбы пожить с ней до ее смерти «по своей воле» и, наконец, решение уйти в монастырь, лишь бы иметь возможность видаться с сыном, — все эти проявления «индивиду-

¹⁹ Там же.